

Двое других учеников, живших в этом маленьком дворе, вместе со своими слугами пребывали в полном, искреннем недоумении от сложившейся ситуации.

Наведя справки, они окончательно убедились в том, что Цзян ХаньЯ и Инь Цичи действительно связаны узами отношений господина и слуги. Однако во время вступительного экзамена Цзян ХаньЯ не участвовал - поговаривали, что причиной тому стало полное отсутствие у него духовных корней.

Его место занял Инь Цичи, который обладал не только превосходным талантом в виде одиночного древесного духовного корня, но и сумел занять первое место на всех трех этапах испытаний. На этапе нефритовой лестницы он и вовсе совершил невозможное, преодолев все десять тысяч ступеней.

Он был неоспоримым, истинным любимцем небес.

Единственным его изъяном, омрачавшим этот блестящий профиль, было низкое происхождение. Но в суровом мире культивации превыше всего ценится личная сила. И хотя в глазах большинства учеников из знатных семей его корни казались крайне низкими, природный дар юноши был неоспорим.

Стоило Инь Цичи пробиться на самую вершину и стать великим мастером, кто в будущем посмел бы попрекнуть его происхождением? В мире культивации было немало подобных примеров, когда талант стирал социальные границы.

На первых порах никто не придавал этой связи особого значения. Все привыкли к подобным клише, и в душах окружающих не возникало ни малейшего волнения. Однако дальнейшее развитие событий пошло совсем не по шаблону, повергнув всех в глубокое замешательство.

Инь Цичи не только не бросил своего господина, несмотря на свой выдающийся талант, но и стал еще преданнее хозяину, у которого совершенно не было способностей к культивации. В повседневной жизни он был безукоризненно услужлив, осторожен и проявлял к нему безмерную, почти фанатичную заботу.

И этого было бы достаточно, чтобы вызвать уважение, но он продолжал признавать свой статус

слуги и, даже став полноправным учеником, по-прежнему крутился среди прислуги, не считая это зазорным.

Обаяние новизны было неодолимым. Подстрекаемые жгучим любопытством и вечной тягой к сплетням, слухи об этой паре господина и слуги, ломающей все привычные стереотипы, быстро распространились по всей округе.

В секте Летящей Радуги каждый месяц проводилось пять бесплатных лекций для учеников. К тому времени, как подошло время второго занятия, история Инь Цичи стала известна абсолютно всем.

Он невозмутимо занял свое место, никак не реагируя на сотни устремленных на него любопытных взглядов.

Ничего не поделаешь, кинозвезда всегда находится в центре внимания. Нужно просто привыкнуть.

Те, кто происходил из простых семей, отнеслись к этому спокойно, но ученики из знатных родов сдержаться не смогли. Они считали себя столь благородными, что уже многократно подавляли в себе гнев, вынужденные ради общего развития секты находиться рядом с этими «грязными лаптями» из простонародья.

А теперь выяснилось, что даже какой-то ничтожный слуга может сидеть с ними на равных?

Это было похоже на популярную давным-давно историю о волшебниках: чистокровные маги считали, что вынужденное соседство с маглорожденными – это еще полбеды, но теперь внезапно оказалось, что даже домашние эльфы сидят с ними в одном классе.

Где же справедливость?

Те, кто не мог смириться с отсутствием этой самой справедливости, решили взять дело в свои руки и сами вершить суд:

- Проваливай! Это не то место, где тебе следует находиться!

Инь Цичи никак не отреагировал, продолжая смотреть перед собой.

- Я к тебе обращаюсь! - выкрикнул один из учеников.

Они сделали несколько решительных шагов вперед, плотным кольцом окружая его.

Инь Цичи медленно повернул голову:

- А... это мне?

Он украдкой огляделся по сторонам: отлично, взгляды всех присутствующих зрителей были намертво прикованы к нему.

Прекрасно. Мотор!

- Нет! Я не могу уйти! - воскликнул Инь Цичи. - Я должен остаться!

После этого короткого обмена репликами конфликт между сторонами вспыхнул мгновенно. Терпение зачинщиков лопнуло, и они решили нанести Инь Цичи сокрушительный удар, чтобы навсегда проучить наглеца.

Инь Цичи сделал скорбное, почти страдальческое лицо, но действовал при этом крайне жестко, прицельно и точно атакуя самые уязвимые точки человеческого тела.

Как только старейшина, ведущий занятие, собрался войти в класс, Инь Цичи в самый последний момент вбил всех зачинщиков в угол и устроил настоящий бенефис:

- Зачем вы так давите на меня... Что я сделал не так? Я просто хочу спокойно практиковаться, вести себя тихо и стараться, чтобы мой господин поправился... Почему вы не можете смириться даже с такой скромной мечтой? Что я должен сделать, чтобы вы наконец проявили милосердие...

После этих слов он грациозно, словно подкошенный, повалился на подушку для медитации.

Учинение беспорядков в классе – проступок серьезный, а довести дело до вмешательства старейшины – значит проявить крайнее неуважение к учителю. Обычно за такое обе стороны лишались возможности посещать занятия в течение месяца. И заодно из их счетов вычитали месячное пособие.

Наказание для всех было одинаковым.

Старейшина посмотрел на Инь Цичи, который, скорбно сжавшись, сидел на подушке, а затем перевел взгляд на тех нескольких человек, что с искаженными от ярости и боли лицами забились в угол.

История Инь Цичи и его господина была весьма легендарной, и старейшина был о ней наслышан. Он искренне считал это прекрасным, почти эталонным примером верности. Каждый хотел бы иметь такого преданного слугу.

Сопоставив это с недавними словами Инь Цичи, старейшина помрачнел и строго обратился к зачинщикам:

– Как вы посмели чинить препятствия соученикам в учебном зале, пользуясь силой, чтобы притеснять слабых? В наказание лишаю вас права посещать лекции на один месяц и вычитаю месячное пособие в назидание другим. Вон отсюда!

Те, кто был избит до такой степени, что не мог контролировать даже мимику, застыли на месте:

– ...

Притеснять слабых?

Старейшина, вы что, ослепли?

Вы не видите, во что этот монстр нас превратил?

Это мы – те самые слабые, которых притеснили!

Однако они не осмелились произнести это вслух. Они открыли рты, отчаянно пытаясь молить о пощаде. Но из-за нестерпимой боли лицевые нервы временно отказали, и их оскал, похожий на жуткую гримасу, выглядел вовсе не как мольба, а как открытое недовольство наказанием старейшины.

Лицо старейшины стало еще холоднее:

- Не желаете раскаиваться? Наказание удваивается! Лишаю вас права посещать лекции на полгода и вычитаю пособие за полгода! - он резко позвал патрульных. - Стража! Выбросьте их отсюда!

Старейшина перевел взгляд на Инь Цичи. Тот смотрел на него с таким выражением, будто старейшина был его единственным спасителем в этом жестоком мире, а в глазах читались искреннее восхищение и глубокая благодарность.

Старейшина погладил бороду, чувствуя внутреннее удовлетворение, но ничего не сказал, лишь сухо произнес:

- Начинаем занятие.

Инь Цичи привычно настроил оборудование и начал трансляцию.

Цзян ХаньЯ внимательно учился, глядя в экран. В отличие от учеников, сидящих на жестких подушках, он, как вольный слушатель онлайн-курса, мог с комфортом расположиться на удобном стуле, а перед ним стоял стол для записей.

Очень удобно.

Когда занятие закончилось, Цзян ХаньЯ, почувствовав некое озарение, вышел из комнаты и закрыл глаза под цветущим деревом во дворе, пытаясь удержать в памяти едва уловимые, тонкие ощущения.

Первым, кто вернулся во двор, был Мо Чжичэн. Едва переступив порог, он увидел Цзян ХаньЯ, замершего под деревом.

Кожа белая, как свежесвыпавший снег, черные волосы, словно густая тушь.

Слухи снаружи ходили пугающие: в устах разных людей господин Цзян ХаньЯ представлялся как немощный слабак, который может выжить в секте Летящей Радуги только благодаря защите своего преданного слуги.

Мо Чжичэн, услышав такие рассуждения, лишь подумал: - ...

Цзян ХаньЯ - немощный слабак?

А кем тогда был я, когда он меня избил?

Впрочем, слухи были наполовину правдивы: немощность - это наглая ложь, но отсутствие таланта к культивации - чистая, голая правда.

Но вот в чем заключалась главная загвоздка: полное отсутствие таланта и способность наносить столь сокрушительные, болезненные удары были вещами абсолютно несовместимыми. Они просто не могли существовать в одном человеке одновременно.

Как мог простой смертный, лишенный всякой искры божественного дара, одолеть культиватора, достигшего самого пика стадии возведения основания? Это было невозможно, абсолютно и категорически невозможно!

Мо Чжичэн лихорадочно выстраивал логическую цепочку в своей голове и в итоге пришел к единственному выводу: Цзян ХаньЯ жульничает, он использует запрещенные или скрытые артефакты. Должно быть, в его распоряжении оказалось какое-то невероятно мощное духовное оружие, ведь среди учеников из знатных семей было немало подобных дорогостоящих средств защиты и нападения.

Чем больше он размышлял об этом, тем более верным и неоспоримым казался ему этот вывод. Иначе как он, опытный практик, оказался выброшен во внешний двор, даже не успев осознать, что произошло, и среагировать на атаку?

Сейчас вокруг не было ни души, Инь Цичи тоже куда-то исчез. Цзян ХаньЯ остался один -

всего лишь хрупкий смертный, полностью полагающийся на свои артефакты. Если Мо Чжичэн сможет сейчас тяжело ранить его или даже убить, то он наконец-то выплеснет всю ту жгучую обиду, что накопилась в его израненной душе!

Что же касается духовного оружия в руках Цзян Ханья... Хм, здесь ему просто нужно быть предельно осторожным. Смертные по природе своей хрупки, достаточно одного легкого, почти невесомого касания энергии меча, чтобы их жизнь оборвалась в одно мгновение.

Мо Чжичэн не собирался давать Цзян Ханья ни единого шанса на ответную реакцию, ни секунды на раздумья; он решил нанести удар исподтишка, из самой тени. Семь, а может быть, и восемь стремительных потоков энергии меча, острых как бритвы, мгновенно устремились к незащитному, на первый взгляд, Цзян Ханья.

Цзян Ханья, стоявший под деревом, медленно повернул голову. Его длинные черные волосы эффектно взметнулись от внезапного порыва ветра, а несколько бледно-розовых лепестков грациозно пролетели мимо его бледных щек.

Даже при всей своей жгучей ненависти к Цзян Ханья, Мо Чжичэн был вынужден признать, что у того действительно прекрасное, почти неземное лицо. Будь этот человек женщиной, Мо Чжичэн, возможно, проявил бы крупицу милосердия и пожалел бы его. Жаль, но вини в этом самого себя - ты мужчина.

Мо Чжичэн с предвкушением ждал, когда на лице Цзян Ханья отразится первобытный ужас. Однако того, что он так детально воображал - паники, криков и падения от тяжелых ран - не произошло.

Цзян Ханья лишь слегка, почти лениво качнулся в сторону, с поразительной легкостью уклонившись от смертоносной энергии меча, пролетевшей в считанных миллиметрах от него.

Мо Чжичэн застыл:

- ...!

Это невозможно?! Разве у него нет таланта? Разве он действительно не может практиковаться?

Чтобы предотвратить любую возможную реакцию защитных артефактов, Мо Чжичэн вложил в

этот удар все десять частей своей силы, не оставив себе запаса. Не говоря уже о простом смертном, даже культиватор, только что достигший стадии возведения основания, попался бы на такой прием, проявив малейшую неосторожность.

Не успел Мо Чжичэн до конца осознать этот шокирующий факт, как увидел, что Цзян ХаньЯ спокойно вытащил меч и начал медленно направляться к нему.

Мо Чжичэн в ужасе подумал:

- ...

Беда...

Инь Цичи с легким стуком толкнул ворота двора и замер, увидев на ветвях цветущего дерева некое странное, весьма напоминающее человека украшение. Сначала он не придал этому никакого значения, ведь подобные причудливые украшения в этом месте были обычным делом, в них не было ничего необычного.

Он уже собрался пройти мимо, как вдруг в его памяти всплыло, что он находится в мире культивации, где возможно всё. Сделав несколько шагов назад, он вернулся под дерево и внимательно присмотрелся к «объекту».

- А ну снимите меня отсюда немедленно! - истошно завопил человек на дереве.

Человек на ветке забавно закачался, болтаясь взад-вперед, словно большой колокольчик. Мо Чжичэн был до предела охвачен жгучим стыдом и яростью: мало того, что Цзян ХаньЯ избил его, так он еще и подвесил его на дереве на всеобщее посмешище.

Это было величайшее, невыносимое унижение!

В уставе секты было строго прописано, что убивать друг друга запрещено, однако на практике убийство слуги самим учеником считалось делом обыденным и почти не вызывало вопросов. Правда, правила были двойственными: слугам категорически запрещалось убивать учеников.

Тот, кто установил это правило, преследовал благородную цель – защитить учеников, так как у некоторых из них слуги обладали пугающе высокой культивацией, и секта всерьез опасалась, что ученики могут использовать их как инструмент для уничтожения конкурентов.

Именно это правило спасло жизнь Мо Чжичэну. Он до сих пор отчетливо помнил, как Цзян ХаньЯ шел к нему с ледяным, непоколебимым намерением убить. Цзян ХаньЯ действительно, без тени сомнения, собирался его прикончить!

В полном отчаянии Мо Чжичэн громко и надрывно процитировал правила секты. Цзян ХаньЯ тогда помедлил, зашел в комнату и лично проверил их. Убедившись в абсолютной правоте слов противника, Мо Чжичэн наконец-то спас свою никчемную жизнь.

Покачиваясь на ветру, он успел о многом передумать. Он возненавидел всех вокруг: и Цзян ХаньЯ, и Инь Цичи, и даже тех, кто распускал о них слухи снаружи. Это всё их вина, это они погубили его жизнь!

И еще... почему Чжу Тунфэн до сих пор не вернулся? Послал его по важным делам, а тот так медлит – наверняка отлынивает от работы, этот бездельник!

Инь Цичи небрежно взмахнул рукой. Незримая, сотканная из духовной энергии ладонь с силой хлестнула по воздуху, заставив Мо Чжичэна стремительно вращаться вокруг своей оси, словно безумная юла.

– Ой, простите, – Инь Цичи виновато моргнул. – Рука случайно соскользнула, хи-хи. – Сначала вернусь и спрошу у своего господина.

Инь Цичи оставил вращающуюся «юлу» в покое и зашагал в сторону комнаты:

– Повиси тут, обдуйся ветром, я скоро вернусь.

Когда он вошел, Цзян ХаньЯ сидел за столом, сосредоточенно опустив взгляд и плавными, уверенными движениями выводил что-то кистью на листе бумаги. Тонкие белые занавеси были опущены, они мягко пропускали свет, но надежно скрывали происходящее внутри от посторонних глаз.

Инь Цичи не стал ничего говорить, а просто замер и с восхищением любовался этой картиной. Каждое движение Цзян Ханья напоминало ожившего персонажа с древнего полотна – он был нереально, почти болезненно красив. Конечно, Инь Цичи имел в виду именно классическую живопись.

Через некоторое время Цзян Ханья отложил кисть в сторону:

- Он – отличная точка входа.

Его голос звучал спокойно и размеренно:

- Мо Чжичэн обязательно попытается выместить всю свою злобу на своем слуге, так что можешь постараться раздуть этот скандал посильнее.

Инь Цичи сразу всё понял. Люди больше всего стремятся подчеркнуть и выпятить то, чего им самим катастрофически не хватает. Мо Чжичэн изо всех сил разыгрывает из себя высокородного представителя знатного рода, а на деле – лишь второстепенный, почти забытый член клана Мо.

Даже слуга у него всего один – Джуди... то есть Чжу Тунфэн. Хотя тот и занял первое место на экзамене, но подобных экзаменов проводилось десятки, и первых мест было пруд пруди; он ничем особенно не выделялся. Никакой реальной поддержки за спиной, такого человека можно смело обижать.

Мо Чжичэн был личностью, до краев наполненной комплексами неполноценности и одновременно раздутым высокомерием. Он ценил свое «лицо» превыше всего на свете. Такой человек, потерпев сокрушительную неудачу снаружи, обязательно выместит весь накопившийся гнев внутри своего дома.

Стоит лишь как следует разжечь его ярость, как, закрывшись за дверями своих покоев, он непременно начнет жестоко третировать своего слугу. В этом и заключалась стратегическая «точка входа» Инь Цичи. Он может раздуть громкий скандал, привлечь к себе еще больше внимания и создать себе имидж «доброего друга всех угнетенных слуг».

Цзян Ханья с самого начала прекрасно знал, что убивать Мо Чжичэна нельзя. Но он искусно сделал вид, что не в курсе правил, и только когда Мо Чжичэн в панике процитировал устав, «неохотно» отступил, предварительно подвесив того на дерево.

- Иди скорее разбирайся, - Цзян Ханья тихо вздохнул. - Он портит мне весь вид из окна.

Инь Цичи не спешил уходить, задержавшись в дверях и с легким любопытством глядя на своего господина:

- Почему ты так добр ко мне?

Цзян Ханья поднял на него странный, почти недоуменный взгляд:

- Разве мы не сотрудничаем?

С точки зрения Цзян Ханья всё было предельно просто и логично. Инь Цичи помогал ему с организацией онлайн-курсов, предоставляя доступ к знаниям, а сам Цзян Ханья благодаря этому получал возможность узнать множество полезных вещей, которые иначе остались бы ему недоступны. Отплатить добром за добро и помочь партнеру продвинуть его план - это было вполне естественно и правильно.

- Взаимная выгода, не стоит об этом слишком много думать, - добавил он.

Инь Цичи с некоторым опозданием вспомнил, как в прошлый раз, чтобы добиться простого рукопожатия, он наспех придумал веский повод, заявив: «Приятно сотрудничать». Тогда он произнес эти слова легко, почти машинально, и тут же забыл о них, совершенно не ожидая, что Цзян Ханья воспримет это предложение всерьез.

Оказывается, господин добросовестно исполнял обязанности партнера по сделке.

«Почему он такой серьезный? - подумал Инь Цичи. - Как же это мило!»

В прекрасном настроении он наконец вышел вон, оставив Цзян Ханья в тишине комнаты.

Цзян Ханья вернулся к чтению. Недавно он обнаружил, что книги, доступные ему сейчас, предназначены для учеников с самым низким уровнем культивации. Более глубокие, по-настоящему ценные знания, включая секретные техники культивации, хранились в закрытой библиотеке, куда путь был открыт лишь тем, кто сумел стать учеником внутреннего круга.

Он помог Инь Цичи продвинуть его план, и теперь, когда придет подходящее время, он сможет вполне обоснованно и уверенно выдвинуть свои собственные требования. Цзян ХаньЯ рассуждал здраво и прагматично.

В этот момент в тишине двора послышался какой-то шум. Цзян ХаньЯ поднял глаза и посмотрел в сторону окна. Однако плотные занавеси были опущены, надежно скрывая всё, что происходило снаружи. Их повесили по приказу Мо Чжичэна, когда тот распорядился своими слугами занавесить окна. Логика была проста: с глаз долой – из сердца вон.

Цзян ХаньЯ снова сел за стол и с удвоенным вниманием принялся изучать свои записи.

Спустя некоторое время Инь Цичи вернулся. Он не только привел в идеальный порядок все записи с онлайн-курсов, но и каким-то образом раздобыл электронную ручку, чтобы Цзян ХаньЯ мог делать пометки с гораздо большим удобством.

Ощущения от использования электронной ручки кардинально отличались от привычной кисти. Поначалу Цзян ХаньЯ чувствовал себя непривычно, но, быстро освоившись, счел этот инструмент вполне удобным. Более того, она была во многом превосходила кисть: не нужно было возиться с тушью, а любую ошибку можно было стереть в одно мгновение.

Отлично!

Секта Летящей Радуги обладала поистине мощным преподавательским составом. Лекции здесь читали великие мастера, чья культивация была как минимум на стадии зарождающейся души. Их речь была наполнена особым ритмом, который казался созвучным самому устройству этого мира, и обладала таинственной, почти осязаемой глубиной. Чтобы полностью прочувствовать и усвоить эти тонкости, Цзян ХаньЯ пересматривал записи снова и снова.

Технологии действительно меняли жизнь, даже в таком консервативном месте.

Со временем образ Инь Цичи в глазах окружающих постепенно укреплялся. Мо Чжичэн, как и предсказывал Цзян ХаньЯ, в полной мере выместил весь свой гнев и унижение на собственном слуге. Инь Цичи умело воспользовался этим моментом: он регулярно навещал Чжу Тунфэна, принося ему еду, необходимые лекарства и, что самое важное, оказывая ему искреннюю эмоциональную поддержку.

Чжу Тунфэн, внезапно ставший жертвой чужого гнева без всякой на то вины, почувствовал, как почти исчезнувшая была ненависть к Цзян ХаньЯ и Инь Цичи вспыхнула с новой, еще более яростной силой. Однако, как ни странно, он по-прежнему не питал ненависти к своему господину. Он родился слугой и с самого детства следовал за Мо Чжичэном, поэтому привычка к преданности глубоко укоренилась в его душе.

Дверь в комнату со скрипом отворилась. Чжу Тунфэн обернулся и увидел на пороге Инь Цичи.

- Хм, - он горько усмехнулся. - Что, пришел посмеяться надо мной?

Узнав, что Инь Цичи стал учеником внутреннего круга, многие слуги начали испытывать к нему сложную смесь жгучей зависти и подсознательного отторжения. Инь Цичи не стал торопиться с тем, чтобы оправдаться; он позволял этим негативным эмоциям свободно выплеснуться.

Он понимал: чтобы по-настоящему «отмыться» в глазах людей, нужно сначала испачкаться как следует. Тогда после последующего разоблачения эффект будет куда сильнее - люди начнут чувствовать вину за то, что они «ошибались» на его счет, и это вызовет к нему искреннюю симпатию. К тому же, один раз обретя такую репутацию, он станет почти неуязвим: люди больше не поверят, если кто-то снова попытается его «очернить».

Параллельно с этим Инь Цичи мог продолжать аккуратно подбрасывать слухи о самом себе, провоцируя споры между своими сторонниками и противниками, тем самым естественным образом очищая свой круг общения от лишних людей. История о «слуге-бунтаре» с неожиданным финалом, которую он рассказал на экзамене, должна была постепенно набирать обороты. Скоро она станет ему очень пригодиться.

Инь Цичи тяжело вздохнул и присел рядом с Чжу Тунфэном:

- Джуди... Почему я должен приходить сюда, чтобы смеяться над тобой?

Он посмотрел другу в глаза и серьезно произнес:

- Для таких слуг, как мы, самое важное в этом мире - помогать друг другу.

Чжу Тунфэн напрягся и саркастически ответил:

- Какой ты еще слуга? Ты теперь ученик внутреннего круга!

В его тоне отчетливо сквозили зависть и затаенная ненависть.

- Раз слуга - значит, навсегда слуга, - тихо произнес Инь Цичи. - Ты действительно думаешь, что с моим происхождением другие ученики внутреннего круга примут меня как равного?

Чжу Тунфэн замолчал. Это была горькая правда. Но обычно в таких ситуациях люди изо всех сил пытались порвать любые связи с бывшими коллегами-слугами, всячески подчеркивая, что их нынешнее положение не чета прежнему ничтожеству. Почему же Инь Цичи поступал ровно наоборот? Почему он не только не разрывал связи, но и продолжал якшаться с ними?

Чжу Тунфэн не мог этого понять.

Инь Цичи, превратившись в настоящего мастера историй, начал вкрадчиво рассказывать Чжу Тунфэну:

- ...Только тогда я понял, что мы, слуги, - единственная настоящая опора друг для друга. Когда его наказывал господин, мы тайно помогали ему, а когда меня наказывал мой прежний жестокий хозяин, они приходили на помощь мне.

Он посмотрел на Чжу Тунфэна с глубокой, почти болезненной искренностью:

- Мы, слуги, и так живем в тяжелейших условиях, наши жизни подобны ряске на воде - нас может унести куда угодно. Только взаимная поддержка поможет нам прожить дольше и не сломаться.

Закончив, он снова тяжело вздохнул:

- Хотя мой нынешний господин очень добр ко мне, он всё же знатный молодой господин, а путь культивации невероятно жесток. Кто знает, когда я получу тяжелое ранение или попаду в беду? Как ты думаешь, смогу ли я в такой момент рассчитывать на то, что мой господин будет ухаживать за мной так, как это сделал бы другой слуга?

Чжу Тунфэн взволнованно посмотрел на него. Инь Цичи невозмутимо продолжал:

- Сегодня я помог тебе, а завтра, если я окажусь в беде, возможно, смогу рассчитывать на твою помощь. Не смотри на то, что я стал учеником. В глазах других учеников внутреннего круга я

навсегда останусь лишь ничтожным слугой. Всю свою жизнь я не смогу полностью стереть свое происхождение.

Он сделал паузу, а затем добавил с оттенком горечи:

- Но иногда я задумываюсь: почему мы вообще родились слугами? Разве мы сделали что-то не так в прошлой жизни? Почему мы рождены, чтобы быть вьючными животными для других? А они могут жить в роскоши, глядя на нас свысока, просто по праву рождения?

Инь Цичи умело использовал реплики из старых фильмов про восстание машин, выдав такую мощную тираду, что вскоре стал для Чжу Тунфэна самым доверенным и близким другом.

Его поведение быстро стало достоянием общественности, вызвав бурные обсуждения во всем дворе. Слуги и ученики внутреннего круга разошлись во мнениях. Слуги прониклись глубокой симпатией к Инь Цичи, видя в нем своего защитника, а ученики внутреннего круга сочли его добровольным ничтожеством, не имеющим гордости.

Мо Чжичэн, услышав об этом, почувствовал странное облегчение. Инь Цичи оказывает знаки внимания его слуге - разве это не равносильно косвенному заискиванию перед ним самим? Это заставило его почувствовать, что он всё еще стоит гораздо выше Цзян ХаньЯ. Он очень удобно и избирательно забыл о тех временах, когда сам вращался на дереве, словно юла.

Когда Мо Чжичэн вернулся во двор, он увидел, что Цзян ХаньЯ практиковался с мечом под цветущим деревом. Лепестки медленно падали, разлетаясь в стороны от мощных потоков энергии его меча.

Мо Чжичэн только собрался было съязвить, мол, зачем вообще практиковаться с мечом, если у тебя нет ни капли таланта, как вдруг Цзян ХаньЯ посмотрел в его сторону. Пара глубоких черных глаз взглянула на него, и Мо Чжичэну показалось, что он заглянул в бездонную, ледяную бездну.

Мо Чжичэн замер:

- ...

Он по-прежнему отказывался верить в то, что у Цзян ХаньЯ может быть талант. Причина была проста. Если бы у Цзян ХаньЯ действительно был талант, как бы он мог терпеть, что его собственный слуга стоит в иерархии выше него? Как бы он согласился быть лишь господином-

формальностью, а не полноценным учеником?

Он брезгливо дернул уголком рта и толкнул дверь своей комнаты. Чжу Тунфэн уже пришел в себя и, увидев мрачного Мо Чжичэна, почтительно и низко склонил голову:

- Молодой господин.

Не успел Мо Чжичэн открыть рот, как слуга сам произнес:

- Этот Инь - действительно подлый человек. Стал учеником внутреннего круга, а всё еще добровольно прислуживает нам.

Он внимательно следил за лицом Мо Чжичэна, вспоминая совет, который дал ему Инь Цичи: «Эти господа считают себя выше других. Если ты будешь принижать и оскорблять меня в его присутствии, он будет очень доволен, и твоя жизнь станет намного легче».

Тогда Чжу Тунфэн в замешательстве пробормотал:

- Но... брат Инь...

- Ничего, - легко улыбнулся тогда Инь Цичи. - Я лишь хочу, чтобы ты, как и я, слуга, жил хорошо. По правде говоря, между нами, слугами, нет никакой вражды. Это господа соперничают между собой, разве не так?

Чжу Тунфэн закрыл глаза, а открыв их, продолжил:

- По-моему, он просто боится вас, господин. В конце концов, его господин - никчемный отброс, совершенно неспособный к культивации.

Эти слова пришлись Мо Чжичэну по душе. Лицо его заметно смягчилось, и он снисходительно махнул рукой, отпуская Чжу Тунфэна по делам.

Чжу Тунфэн вышел и через окно увидел, как Инь Цичи сосредоточенно растирает тушь для его господина. Цзян ХаньЯ, опустив взгляд, что-то писал кистью, а Инь Цичи почтительно стоял рядом, мягко улыбаясь и что-то тихо говоря.

До слуха доносились обрывки фраз:

- Господин, как вы считаете, так пойдет?

- Нет, слишком густо.

- Господин, а так?

- Тоже нет, слишком жидко.

Чжу Тунфэн тяжело вздохнул, подумав, что оба они – глубоко несчастные люди, и даже такой талантливый брат Инь вынужден дрожать и заискивать перед своим господином. Снаружи он – уважаемый ученик внутреннего круга, обладающий высоким талантом, а вернувшись домой – всё равно стоит перед господином, как мелкая, незначительная сошка.

Эх.

В душе он еще больше уверился в том, что Инь Цичи – один из них. Такого хорошего брата Инь он обязательно должен представить всем знакомым слугам! Ведь брат Инь был абсолютно прав. Только объединившись и поддерживая друг друга, они, слуги, смогут защитить свои жизни в этом жестоком мире!

Хотя на континенте Черной Черепахи не существовало специальных, систематизированных способов тренировки духа, как в классическом мире культивации, любое повышение мастерства в боевых искусствах всё равно требовало серьезной закалки духа.

В свободное от основной практики время Цзян ХаньЯ упражнялся в каллиграфии, игре на цине и других подобных занятиях, чтобы обрести истинное душевное спокойствие и воспитать твердый характер. Каллиграфия и игра на цине были тоже своего рода практикой: абсолютный контроль над руками позволял делать линии кисти изящно извилистыми, а струны заставляли звучать с точно выверенной силой.

Вернувшись, Инь Цичи увидел, что Цзян ХаньЯ снова пишет, и искренне произнес:

- У тебя прекрасный почерк.

Цзян ХаньЯ счел это простой вежливостью. Однако Инь Цичи добавил с легким смущением:

- А я пишу очень плохо.

Цзян ХаньЯ с легким интересом взглянул на него:

- Насколько плохо?

Инь Цичи взял кисть и продемонстрировал свои начальные навыки.

Цзян ХаньЯ:

- ...

Это было настолько плохо, что даже пятилетний ребенок, едва научившийся держать кисть, написал бы лучше. Впрочем, винить Инь Цичи было нельзя: хотя он и получил воспоминания двух своих ипостасей, многие физические навыки невозможно было повторить в точности без долгой практики.

Инь Цичи посмотрел на Цзян ХаньЯ и про себя усмехнулся:

- Можешь дать мне этот образец? Я попробую скопировать.

- Я не так уж часто писал, - ответил Цзян ХаньЯ.

Это была правда. До того как он попал сюда, каллиграфия была для него лишь способом пустить пыль в глаза властью имущим. Обычные люди в его мире либо передавали данные через нейроинтерфейс, либо просто стучали по клавиатуре.

Цзян ХаньЯ вздохнул:

- ...Я напишу несколько часто встречающихся иероглифов, возьми их как прописи.

Инь Цичи предложил помочь растереть тушь. Казалось бы, пустяковое дело. Однако...

Цзян ХаньЯ посмотрел на то, что творил Инь Цичи, и не выдержал:

- Хватит, я сам.

Процесс растирания туши в исполнении Инь Цичи выглядел комично, напоминая старую поговорку: «Много воды - добавь муки, много муки - добавь воды». Он только зря перевел хороший кусок дорогой туши.

- Я уже понял секрет! - лучезарно улыбнулся Инь Цичи.

Он учился очень быстро, а прежняя неуклюжесть была лишь частью его продуманного притворства. Цзян ХаньЯ увидел, что на этот раз он справляется как надо, и наконец успокоился. Он снова взялся за кисть, чтобы подготовить прописи.

- Чтобы почерк был действительно красивым, прежде всего важна структура. Для начинающих всё остальное можно пока отложить на потом, - наставлял Цзян ХаньЯ. - Хотя языки континента Черной Черепахи и мира культивации отличаются, у них есть общее. Нельзя делать все штрихи одинаковыми, нужно строго следить за расположением элементов. Смотри сюда: слева штрих крупнее, справа мельче, а здесь - наоборот...

Он отложил кисть и стал ждать, пока тушь высохнет. Инь Цичи смотрел на него и внезапно тихо улыбнулся. Он вспомнил слова Цзян ХаньЯ:

«...Притворяйся неуклюжим... даже если их культивация ниже твоей, они всё равно будут чувствовать превосходство...»

Уголки губ Инь Цичи приподнялись. Цзян ХаньЯ, заметив эту странную улыбку, удивился:

- Чему ты улыбаешься?

Инь Цичи мягко, почти мечтательно ответил:

- Вспомнил кое-что очень приятное.

Цзян Ханья:

- ...?

<http://bllate.org/book/17943/1720842>